

Т.И. Скрипникова
T.I. Skripnikova

**АКТИВИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕМ, СЮЖЕТОВ, МОТИВОВ
 В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА 1920-Х ГОДОВ
 (РАССКАЗ «СВЯТИТЕЛЬ»)**

**ACTIVATION OF RELIGIOUS THEMES, STORIES AND MOTIVES
 IN THE WORKS OF I.A. BUNIN IN THE 1920S
 (THE STORY "THE SAINT")**

Исследование человеческой души в разных ее проявлениях и утверждение ее величайшей значимости – пожалуй, главная тема в рассказе И.А. Бунина «Святитель» (1924). В образе святителя Дмитрия Ростовского писатель видел национальный идеал, вобравший в себя многовековые представления народа о красоте души русского человека, праведнике, героически проявившем себя в разных сферах (духовной, художественной) служения Родине. Бунинский интерес к личности Святителя и его молитвенному подвигу – это обращение к родственной судьбе и своеобразное творческое сопереживание. Можно сказать, что к началу XX века, когда «святейшее из званий, звание человек, опозорено как никогда», в образе святого писатель видел национальный идеал, вобравший в себя многовековые представления народа о красоте души русского человека, праведнике, героически проявившем себя в разных сферах (духовной, художественной) служения Родине. Святитель Димитрий Ростовский – первый святой Российской империи, жизнь которого прошла на фоне важнейших исторических событий, которые принято называть эпохальными. Митрополит прилагал все усилия, чтобы сохранить в обществе чистой и нетронутой православную веру и Церковь. Святитель Дмитрий Ростовский, живя в сложное историческое время становления российского государства, сохранения национальной идентичности, православной веры, сплотил нацию в условиях попытки осквернения «русского духа».

Ключевые слова: цивилизационный выбор, «обдорская» Русь, патриотизм, молитвенный подвиг, святоотеческая литература, никоновский раскол, противостоянии с другими конфессиями.

The study of the human soul in its various manifestations and the assertion of its greatest significance is perhaps the main theme in I. A. Bunin's story "The Saint" (1924). In the image of Saint Dmitry of Rostov, the writer saw a national ideal that incorporated centuries-old ideas of the people about the beauty of the soul of a Russian person, a righteous man who heroically demonstrated himself in various spheres (spiritual, artistic) of service to the Motherland. Bunin's interest in the personality of the Saint and his prayerful feat is not accidental - this is an appeal to the fate of a family and a kind of creative empathy. It can be said that by the beginning of the twentieth century, when "the holiest of titles, the title of man, is disgraced as never before", Bunin saw in the image of the saint a national ideal that

incorporated centuries-old ideas of the people about the beauty of the soul of a Russian person, a righteous man who heroically demonstrated himself in various spheres (spiritual, artistic) of service to the Motherland. Saint Demetrius of Rostov is the first saint of the Russian Empire, whose life took place against the backdrop of the most important historical events, which are usually called epochal. The Metropolitan made every effort to preserve the Orthodox faith and the Church in society pure and untouched. The Metropolitan, living in a difficult historical time of the formation of the Russian state, the preservation of national identity, the Orthodox faith, united the nation in the face of an attempt to desecrate the "Russian spirit".

Key words: *civilizational choice, patriotism, prayerful feat, patristic literature, Nikon schism, confrontation with other confessions.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-63-4-99-104

В статье, посвященной 50-летию со дня смерти Алексея Константиновича Толстого, Ив. Бунин сопоставляет «Инонию» С.А. Есенина (1918) со стихотворением А.К. Толстого «Колокольчики мои...», интерпретируя этапы становления лирического героя Толстого как исторический путь всей России, ее цивилизационный выбор. Толстой у Бунина – «большой человек прежней России», который с любовью создавал образ «святой Руси». А «советскому хулигану» Есенину, Блоку и другим «поэтам-пролетариям» писатель не прощает религиозного кощунства. «Правильно тут только одно, – заключает Бунин по поводу "Инонии", – есть два непримиримых лагеря: Толстые, сыны "святой Киевской Руси", Святогоры, богомольцы града Китежа – и "киргизские" "рожи" "обдорской", "азиатской" Руси, комсомольцы Есенины...» [5, 158].

Таким образом, статья, посвященная памяти А.К. Толстого, построена на духовном противопоставлении образов Руси «обдорской», «татарской» и Руси славянской, христианской, причем оно реализуется и в плане конкретно-историческом, реальном, и в плане литературном, художественном. Для Бунина современная ему советская Россия и ее новая литература – безусловные свидетельства утверждения «обдорской» Руси, проявления ненавистной ему не меньше, чем Толстому, «монгольщины».

Бунина, как истинного патриота своей Родины, всегда волновала история русского государства, ее противоречивость, драматичность, богатая и разносторонняя литературная традиция. В великом прошлом России, в ее «темной древности», культурном и духовном наследии своих пращуров он ищет и находит нравственную опору и ответы на вопросы «кокаянной» современности, черпая в этом силы для творчества. Древнерусская литература с ее летописями, святоотеческими творениями воспринимается писателем как единственно подлинная первооснова русской культуры. При этом совсем не случайно, что у Бунина кровавый большевистский режим ассоциировался с монголо-татарским игом, с азиатчиной. Приведем дневниковую запись В.Н. Муромцевой-Буниной от 5 (18) марта 1919 года: «Сейчас я долго сидела с Яном. <...> Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь его нет. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь нет и истории никакой. <...> "Мои предки Казань брали, русское государство созидали, а теперь на моих глазах его разрушают – и кто же? Свердловы? Во мне отыгнулась кровь моих предков, и я чувствую, что я не должен был быть писателем, а должен принимать участие в правительстве". Он сидел в своем желтом халате и шапочке, воротник сильно отставал, и я вдруг увидела, что он похож на боярина» [6, 179–180].

На наш взгляд, в этих словах писателя кроется ключ к пониманию эмигрантского творчества писателя, в котором особенно отчетливо проявилась древнерусская литературная традиция. Оказавшись на чужбине, писатель как никогда ранее осознал себя наследником своих «древних пращуров» – создателей русского государства, чувствуя свой сыновний, исторический, гражданский долг перед ними и «вместе с тем как бы и сам, лично, вышел из русской древности» [2].

«В эпохи революций над страной всегда носится призрак смерти, подобно тому, как это бывает в процессе всякой тяжелой болезни. Революция есть опаснейшая из болезней государственного и общечеловеческого целого» [1, 35]. В драматичный для страны период Бунин в противовес «обдорской» Руси ищет и находит для себя духовную опору в лице людей, олицетворяющих собой «Русь святую», «Русь славянскую» «Русь киевскую». С одной стороны, это обычные крестьяне, тяжелая трудовая жизнь которых есть беззаветное служение ближнему, а значит Богу, поскольку, таким образом, они выполняют одну из главных Божьих заповедей. В рассказе «Лапти» (1924) [3] главный герой дворовый мужик Нефед принимает роковое для себя решение помочь тяжело больному ребенку и отваживается на самоотверженный поступок: ценой собственной жизни он добывает лапти, которые господский мальчик постоянно просит в бреду: «Значит, надо добывать. Значит, душа желает. Надо добывать» [3, 161]. Герой насмерть замерзает на обратном пути, но его жертву нельзя назвать напрасной. Ценой своей жизни он спасает заблудившихся в непроходимой метели мужиков, которые тоже были бы обречены, если бы не наткнулись на торчащие из-под снега валенки замерзшего Нефедя.

С другой стороны, бунинские персонажи святой Руси – это святые люди, такие как – герой одноименного стихотворения святой Прокопий, блаженный Иоанн Сезеновский (Тамбовский), Христа ради юродивый или, например, имеющие высокий духовный сан, как святитель Дмитрий Ростовский («Святитель», «Твой гроб, дубовая колода...»). Обращение писателя к религиозной теме в послереволюционный (эмигрантский период) являет собой уход от социальных катаклизмов и потрясений в гармоничный мир духовных первооснов человечества. События Первой мировой войны стали для России кануном величайший потрясений. Поэтому в творчестве 1920-х годов особо значимым представляется обозначенный Буниным «духовный вектор» проблем человека, его отношения к вере, национальным традициям, духовным основам человеческого бытия.

Интерес к творческому наследию Дмитрия Ростовского, который проявляли многие русские писатели, богословы, философы (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, Игнатий Брянчанинов, Б. Зайцев, В.В. Розанов, Н.О. Лосский) был не случаен. В начале XX века по всей стране широко праздновались две юбилейные даты, связанные с жизнью святителя Дмитрия Ростовского: 1 марта 1902 г. исполнилось 200 лет со времени его вступления на Ростовскую кафедру, а 28 октября 1909 г. – два столетия со дня кончины. Последняя дата отмечалась в Ростове с особым торжеством, размахом и великолепием, современники были поражены огромному количеству паломников, которые и спустя двести лет со дня кончины продолжали приходить в Ростов на поклонение мощам.

Не обошел своим вниманием творческое наследие Дмитрия Ростовского и Бунин, который посещает Ростов Великий в 1914 г.: 21.VI.14. В поезде под Ростовом Великим) [4, 135], в 1915 пишет стихотворение «Святитель» (29 октября, 1915) и рассказ «Святитель» (7 мая, 1924), повествующий о последнем земном дне жизни святого. Писатель показывает тем самым, что в сложные для России времена всегда находились великие люди, выдающиеся деятели, сплывающие и объединяющие народ вокруг себя во имя главной идеи – патриотизма, любви к родному Отечеству.

Третьего июля 1914 года Бунин писал приятелю Черемному: «...на Волге, в прибрежных ее городах и в Ростове Великом мы все-таки побывали и остались довольны весьма и весьма: опять всем нутром своим ощутил я ту самую Русь, за которую так распекают меня разные Дерманы, опять сильно почувствовал, как огромна, дика, пустынна, сложна, ужасна и хороша она, а уж про Ростов и говорить нечего... Буду жив, еще десять раз побываю там, равно как и в Угличе, Пскове...» [9, 652].

Бунинский интерес к личности Святителя и его молитвенному подвигу не случаен – это обращение к родственной судьбе и своеобразное творческое сопереживание. Можно сказать, что к началу XX века, когда «святейшее из званий, звание человек, опозорено как никогда», в образе святого Бунин видел национальный идеал, вобравший в себя

многовековые представления народа о красоте души русского человека, праведнике, героически проявившем себя в разных сферах (духовной, художественной) служения Родине. Святитель Димитрий Ростовский – первый святой Российской империи, жизнь которого прошла на фоне важнейших исторических событий, которые принято называть эпохальными. Митрополит прилагал все усилия, чтобы сохранить в обществе чистой и нетронутой православную веру и Церковь. Церковный писатель Е.Н. Погожев (псевдоним Поселянин), говоря о нем, отмечал, что в век никоновского раскола православной церкви и наступивших тогда Петровских реформ, «иногда глубоко антинациональных и противоцерковных, этот великий человек показал, как можно быть просвещеннейшим и передовым деятелем, не изменяя прошлому своего народа и оставаясь безусловно верным православно русскому настроению» [10, 42]. Митрополит, живя в сложное историческое время становления российского государства, сохранения национальной идентичности, православной веры, сплотил нацию в условиях попытки осквернения «русского духа».

Святитель Дмитрий Ростовский известен не только как проповедник, но и как талантливый литератор. Из-под пера владыки Димитрия в это время выходят многообразные сочинения самых различных жанров: наставления пастырям, краткие изложения основ веры и духовные стихи-канты. Однако главным трудом всей жизни митр. Димитрия Ростовского было написание Житий святых, Четий-Миней, на которое ушло двадцать лет. Создание этого огромного сборника Житий Святых в то время было архиважно для полемики с католиками и униатами, поскольку этот труд демонстрировал богатую историю святости православной церкви и ее преемственность с древней церковью, тем самым подчеркивая независимость православной литературы от католической. Таким образом, митрополит осуществил свое великое служение, направленное на урегулирование и укрепление позиций православной Церкви в противостоянии с другими конфессиями.

Лексему *святитель* Бунин вынес в заглавие рассказа, в сильную позицию текста, композиционно и семантически организуя его, писатель отсылает читателя к православной парадигме, тесно связанной с лексемой *святый*. Святитель (церк.-слав. свѣтѣтель): 1) чин святости, в котором почитаются канонизированные Православной Церковью лица, обладавшие, во время земной жизни, епископской степенью священства; 2) лицо, принадлежащее к этому чину святости. Таким образом, подобное название рассказа обусловлено его темой и идейным содержанием. Интересно отметить, что в тексте помимо фигуры святителя упоминается еще один образ святого – «простого тамбовского мужика». В произведении также не называется его имя, но в дневнике писателя «Окаянные дни» от 6 мая 1919 года находим информацию о нем: «Иоанн, тамбовский мужик Иван, затворник и святой, живший так недавно, – в прошлом столетии (то есть в 19 веке – через сто лет после смерти святителя – примечание автора), – молясь на икону Святителя Дмитрия Ростовского, славного и великого епископа, говорил ему: – Митюшка, милый! Был же Иоанн ростом высок и сутуловат, лицом смугл, со сквозной бородой, с длинными и редкими черными волосами. Сочинял простодушно-нежные стихи...» [6, 116].

Так, не называя имен, автор тем самым стремится показать неразрывную цепь духовного родства двух русских святых, преемственность веры, близость и единство душ, невзирая на пространственные и временные расстояния. Молясь перед образом святого Дмитрия Ростовского, преподобный Иоанн обращается к святителю, как к своему современнику, самому близкому и любимому другу: «Митюша, милый!». Ключевая идея бунинского текста оказывается близка мыслям его современника, религиозного философа И.А. Ильина: «Русь именуется "святою" не потому, что в ней "нет" греха и порока; или что в ней "все" люди святые... Нет. Но потому что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее. И в этой жажде праведности человек прав и свят при всей своей обыденной греховности» [8, 133].

В рассказе, повествующем о последних часах жизни святителя Дмитрия Ростовского, образ умирающего святого оказывается в центре внимания. Эта житийная картина земного последнего вечера перед переходом в вечность, как кульминационный момент всего земного бытия святого дает Бунину возможность показать самые сокровенные, умиленные чувства митрополита, изнемогшего от смертельной болезни, который пожелал в последний раз насладиться его духовными юношескими песнопениями, славословиями Господа. Несмотря на высокий духовный сан, Святитель показан в скромной обстановке келии древнего монастыря, как самый обычный человек, который в холодную зимнюю пору сидит и греется на лежанке у печки. Однако святость кроется повсюду: в его намоленной келии, освещенной светом лампы перед многочисленными и прекрасными образами, согретой теплом изразцовой каменки и создающими «сладостный уют» попонами, покрывавшими пол [3, 139]. В тексте неоднократно подчеркивается сопутствующий святости мотив чистоты, непорочность души святителя показана на фоне внешней чистоты покоев. Бунин нарочито подчеркивает безукоризненную опрятность покоев святого, которую бояться нарушить даже черноризцы, вошедшие в одних шерстяных чулках, — «разулись, прежде чем войти». Примечательно, что в житии святого Дмитрия Ростовского упоминается и эти черноризцы, и их поклоны, и невольное смущение любимого ученика, которому кланялся и благодарил за труды тот, кого называли златоустом русской словесности. Другим сопутствующим святости мотивом в тексте является тишина: святитель «тихо позвонил в колокольчик», «неслышно вошел и тихо поклонился служке», черноризцы «стали вполголоса петь те песнопения, что святитель созидал в своей ранней молодости».

За два года до смерти, к которой святитель готовился всю свою жизнь, он записал в завещании: «Не ведаем, когда Господь придет, в вечер или в полночь, или при песнопении, или утром, да не придет внезапно, застав нас спящими...» [7, 61]. Исполнилось завещание владыки, закончилась последняя земная ночь Дмитрия Ростовского: в бодрствовании и тишине молитвенного коленопреклоненного предстояния пред Господом, святителя «на рассвете обрели почившим». Благоговейную молитву его сменило святое безмолвие на пороге вечности, наполненной Божьим присутствием: «с двурогим жезлом в руке стоял он на коленях перед божницею, закинув назад свой тонкий и бледный лик, уже хладный и безгласный. Так и пишется он на одном древнем образе» [3, 140]. По мысли Бунина в тяжелые времена русской истории всегда находятся люди, неизреченная красота души которых сильно влияет на жизнь других, подводит к внутреннему преображению, к пониманию сокровенных смыслов бытия. И одним из таких была величайшая личность святителя Дмитрия Ростовского, духовный подвиг и художественный талант которого, имеющий непреходящую ценность, сподвиг писателя на создание этого образа в своих произведениях.

Таким образом, в творчестве писателя в 1920-е годы заметно усилилась религиозная насыщенность проблематики, которая проявилась в активизации религиозных тем, сюжетов, мотивов, того, что времени и смерти неподвластно. В 1920-е годы у Бунина актуализируется стремление найти в христианстве общее, сближающее и примиряющее народ в атмосфере апокалипсической катастрофы. Именно поэтому для писателя было так важно запечатлеть бытие человека не временное и искаженное, а вечное, метафизически просветленное, человека как носителя культурной памяти и религиозного императива.

1. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: сборник статей о русской революции. М.; Петроград, 1918 / перепеч. без изм., М., 1991. С. 25–70.

2. Бакунцев А.В. Древнерусская литературная традиция в послереволюционной публицистике И.А. Бунина: Доклад на Международных историко-филологических чтениях «Ad fontes: Письменные памятники Древней Руси» (К 1150-летию российской государственности) URL: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1217/> (дата обращения: 11.11.2024).

3. Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966.

4. Бунин Иван Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990.
5. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 1998.
6. Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна. Устами Буниных. Дневники / Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна: в 2 т. Т. 1. М., 2004.
7. Визжилин Н.Н. Ростов Великий. Историческое эссе. М., 1992.
8. Ильин И.А. Святая Русь. «Богомолье» Шмелева // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 11. М., 1996.
9. Литературное наследство. Бунин И.А. Сборник материалов: в 2 кн. М., 1973. Т. 1.
10. Поселянин Е.[Погожев Е.Н.] Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905.